

на *-ость, -ство, -ие* и т. п., которые будут рассмотрены нами ниже. При одновременном отсутствии в рукописи каких-либо следов польского происхождения переводчика, что могло бы соответствовать наличию названных лексем в его живом языке (речи), можно предположить только, что автор перевода обращался к какому-либо (или каким-либо) польским (полоноязычным) источникам.

В связи с этим возникает вопрос о непосредственном оригинале фирсовского перевода. Решающая роль здесь принадлежит текстологии. Большинство исследователей, от Евгения Болховитина до И. В. Ягича, считали эту Псалтирь переведенной с немецкого, имея в виду последнюю редакцию немецкого перевода, который мог быть в руках Фирсова. А. В. Горский и К. И. Невоструев высказались осторожнее, сказав, что Фирсов «исправляет перевод, следуя тексту еврейскому или переводам с него» [1, с. 193]. Сам Фирсов в предисловии прямо говорит, что его перевод «свидетельствован со многих печатных древних книг», которым «более ста лет». Но все русские первопечатные Псалтири (к числу изданных более чем за сто лет до ПсФ относятся две московские анонимные 1550-х — 1560-х годов, Заблудовская 1570 г., Московская 1568 г. и Слободская 1577 г.) основаны текстологически на греческом переводе LXX толковников в его славянской, кирилло-мефодиевской, версии. Источник же фирсовской Псалтири восходит к тексту древнееврейскому.

Лексические данные скорее свидетельствуют о том, что искать оригинал следует среди польских библейских переводов. Значит, речь могла бы идти лишь о польских протестантских переводах XVI в., восходивших, подобно немецкому переводу Лютера, к еврейской масоретской Библии и имевших довольно широкое хождение в Юго-Западной Руси. Таковы Брестская Библия 1563 г. и Библия Симона Будного 1572 г. Социнианский, т. е. недопустимо еретический, перевод Будного вряд ли мог быть использован московским переводчиком по причинам идеологическим. Что касается Брестской Библии (кальвинистской, менее радикальной с точки зрения критики текста), то здесь нельзя не вспомнить об открытии Е. Ф. Карского, установившего в свое время, что именно текст Псалтири в брестском варианте явился основным источником белорусского перевода Псалтири XVII в. (ГБЛ, ф. 256, № 1017) [19]. Некоторые текстологические и лексические параллели, довольно легко усматриваемые между примерами, приводимыми Карским, и фактами исследуемого нами памятника, заставили попытаться внимательнее проверить, не является ли искомым источником фирсовского перевода также Брестская Библия 1563 г.

Ниже представлены параллельные места из рассматриваемого нами текста Псалтири 1683 г. в сопоставлении с текстами Брестской Библии 1563 г. и наиболее близкого хронологически к нашему переводу издания славянской Псалтири 1681 г. (далее: 1, 2, 3)

17,9	Закурился дым из ноздрей его, огонь исходящий из уст его пожиралъ, и угліе ѿ него запалялося	Zakurzył się dym z nozdrzy jego, a ogień wychodzący z ust jego pożerał a węgle się od niego rozpalało	Взыде дымъ гнѣвомъ ѣго, ѿ огонь ѿ лица ѣго воспламенитсѧ, ѡугліе возгорѣсѧ ѿ него
57,6	Тои не хочеть слышати гласа заклинающаго, и ни чаровника, в чарах ученаго	Ktory nie chce slychać głosu czarnoksiężnika, który jest biegłym w swoich czarach	Иже не оуслышитъ гласа ѡбавающихъ ѡбаваемъ ѡбаваѣтсѧ ѿ премудра
64,11	Борозды ея напакуешь, а загоны ея ѿволжаешь	Brozdy jej napawasz, a odwilżasz zagony jej	Бразды ѣа оупой оумножи житаѣа

Важно отметить, что в ряде случаев чтения, общие для Фирсова и брестских переводчиков, не находят себе аналога в немецкой лютеровой Псалтири. Ограничимся тремя примерами из одного псалма.